

Вероника ШЕЛЕНБЕРГ

ЗИМНЕЕ

1

Если ты пойдёшь за мной по лыжне,
уплотняя нетронутый снег вдвойне,
если ты прорвёшься в мою страну, —
заповедно-хвойную глубину,
прежним

я тебя не верну.

Непреклонен сосен седой конвой,
далеко разносится волчий вой
на морозе... аж в кишках горячо!

Тронет лапой ельничек за плечо:

— Ты — живой?

— Живой.

И к железной кружке пристынет губа,
всё равно, что к Сибири — твоя судьба.

Будем пить из одной, — иван-чай, чабрец,
всей хандре — конец,

перекурам сорок пять раз на дню...
У меня всё просто — тропи лыжню!
А под вечер — снегом лицо умой,
и, как в детстве, падай на снег спиной,
в золотое небо гляди, гляди,
и маши руками — лети, лети...

Мы уйдём, останутся ждать пургу
отпечатки ангелов на снегу.

2

Счастья редкие моменты,
словно мелкие монеты, —
блеск и звон, а толку — грош,
и с собой не завернёшь.

Вот опять счастливый случай:
снег под лыжами скрипучий,
синева сквозь березняк, —
зимний космоса сквозняк.

Всё со мной! Сегодня! Рядом.
Куропатка — порх, — снарядом,
удрала в подлесок сизый,
руша снежные карнизы.

Всё сейчас! Морозно. Тихо.
Веткой хрукает лосиха.
Всё — со мной... И от меня
уходящая лыжня.

3

По лыжне, по лыжне, с наслаждением,
через ельник разлапистый — вжик!
Солнце, воздух, мороз!

Александр Сергеевичу — поклон:

день чуде...

Ёлки-палки! Ну, что за вандал
всю лыжню истоптал!
Да ещё так старательно —
след в след

(размера так сорок четвертого),
пятки вместе, носочки — врозь,
ёлочкой!

Под ёлками — ёлочкой...

Да он издевается!

Вот сейчас догоню... Эй, мужчина!

...объехала лихо,
нацелилась гневную выдать тираду
и — осеклась...

Под кроличьей шапкой плешивой —
плоская маска лица,
раскосые глазки пустые
и — улыбка младенца.

Я, конечно, смолчала, повжикала дальше,
но — солнце... воздух... мороз...
Александр Сергеевич,
как-то всё сразу померкло!

Вернулась.

— Пойдём, — говорю, — чудо ты, разнесчастное,
хочешь ходить, как по рельсам?

Улыбается...

— Я — тебе... Ты меня понимаешь?

Кивает.

— Я — тебе (здесь катаются разные люди),
отдельно лыжню проложу, лучше прежней,
в стороне...

По чистому снегу,
по морозу, по солнцу,
внутри чудесного дня.

СНЕГОПАД — ПРОВОДНИК

Снегопад в апреле — ай, благодать!
Межсезонной серости не видеть,
ни рекламной пошлости заказной,
ни дерьма, оттаявшего весной.

Неприглядна правда. Груба. Резка...
Но свежо коснулся снежок виска,
на губах растаял, в ладонь проник
снегопад — проводник

до высоких гор, до небесных сфер!
Мир не может быть повсеместно сер,
повседневно хмур, деловит, кровав,
где душа — эмигрантка, лишённая прав,
где в решётку беженцы бьют волной,
снова пахнет войной.

Или — *может* быть? Миллиардов — семь.
Кто-то мирного дома не знал совсем.
И когда в Сибири снега, снега,
где-то в Сирии пепельная пурга,
от сожжённой плоти земля жирна,
до Чистилища обнажена.

Дальше — кадры с грифом «шестнадцать плюс»,
я не девочка, но... рассмотреть боюсь.
Под спасительный, белый бегу я снег,
снег — Руси оберег...

Где не можешь исправить ты ничего,
остаётся надеяться на Него!
Но мыслишка гложет — черна, проста:
вдруг-де там пустота?

Снегопад апреля — утешь, услышь,
проводи до самых небесных крыш
просьбу слёзную, детских сердец нужду —
остудить вражду.

И не дай мне смерти страшней свинца —
разувериться до конца...